

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-1-125-138>

Научная статья / Research article

Репрессивная политика как инструмент решения «китайского вопроса» в СССР в 1930-е гг.

Наталья Аблажей , Наталья Потапова

^a Институт истории, Сибирское отделение Российской академии наук, Новосибирск, Россия

^b Новосибирский государственный университет экономики и управления,
Новосибирск, Россия

 ablazhey@academ.org

Аннотация: Исследуется репрессивная политика в отношении постоянно проживавшего на территории СССР китайского населения. Цель исследования состоит в соотнесении массовых репрессий с внешнеполитической ситуацией и внутренней политикой, выявлении причин репрессий в отношении отдельных этнических групп и иностранцев. В этой связи показано, что в период с 1929 по 1938 г. имели место несколько антикитайских репрессивных кампаний, дана оценка их последствий. Авторы опровергают мнение о проведении в СССР в период Большого террора самостоятельной «китайской» операции. На материалах протоколов внесудебных инстанций 1937–1938 гг. показано, что данная категория населения подверглась репрессиям в ходе двух «национальных» операций НКВД СССР, а именно «харбинской» и «смешанной». Доказано, что с февраля 1938 г. происходит усиление репрессий в отношении китайского населения, но соответствующая этническая линия оформляется только на заключительном этапе массовых репрессий в сентябре 1938 г. На данный момент есть основания утверждать, что в период Большого террора жертвами «национальных» операций НКВД стало 18 тыс. этнических китайцев, что составило 5 % от общей численности репрессированных по ним. Депортации китайцев в отдаленные районы страны и за ее пределы были самостоятельными кампаниями, но применялись как вид наказания также при реализации «национальных» операций. Делается вывод, что в 1930-е гг. политические репрессии и действия государства в области натурализации привели к сокращению численности китайской диаспоры и изменили географию ее расселения.

Ключевые слова: китайские мигранты, гражданство, иностранцы, иноэтническая община, сталинизм

Для цитирования: Аблажей Н.Н., Потапова Н.А. Репрессивная политика как инструмент решения «китайского вопроса» в СССР в 1930-е гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2023. Т. 22. № 1. С. 125–138. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-1-125-138>

Repressive Policy as a Tool of Resolving the “Chinese Issue” in the USSR in the 1930s

Nataliya Ablazhey , Nataliya Potapova

^a Institute of History, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia

^b Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russia

 ablazhey@academ.org

Abstract: The authors analyze the dynamics of repressions in the 1920–1930s towards Chinese people permanently residing on the territory of the USSR. There is illustrated the interdependence of the naturalization of the Chinese and the punitive policy. It is shown that in the period of 1929–1936

© Аблажей Н.Н., Потапова Н.А., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

there were several anti-Chinese campaigns in the Far East and Siberia, and there is given an assessment of their consequences. The authors refute the hypothesis of conducting a special “Chinese” operation in the USSR during the Great Terror of 1937–1938. Based on the materials of extrajudicial bodies and reporting statistics of the NKVD, it is concluded that this category of the population was referred to two “national” categories, namely, “Harbin” and “mixed.” It is proved that from February 1938 terror against the Chinese was escalated, but only in September 1938 did an independent “Chinese” category appear in the statistics of the NKVD; in total, during the years of the Great Terror, about 18,000 Chinese underwent “national” punitive actions. Repressions against them were justified by a single logic implemented in relation to foreign nationals, which nevertheless allowed some regions to intensify repressions against certain ethnic groups. It is well documented that the expulsions of Chinese outside the country were widely used; they were organized repressive campaigns. It is concluded that the political repressions and state actions in the field of naturalization led to the reduction in the size of the Chinese diaspora and changed the geography of its settlement.

Keywords: Chinese migrants, citizenship, foreigners, foreign ethnic community, Stalinism

For citation: Ablazhey, Nataliya, and Potapova, Nataliya. “Repressive Policy as a Tool of Resolving the ‘Chinese Issue’ in the USSR in the 1930s.” *RUDN Journal of Russian History* 22, no. 1 (February 2023): 125–138. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-1-125-138>

Введение

Обостренное внимание к теме китайской миграции в российском обществе в значительной степени объясняется вниманием к проблемам внешних угроз и опасением потерять Дальний Восток. Именно проблематика угрозы усиливает интерес к теме этнической дискриминации. Для исследователей китайцы стали объектом двух противоположных реальностей, когда, с одной стороны, они рассматриваются как угроза, а с другой – как жертва. Китайская тема привлекает в первую очередь специалистов, изучающих национальную политику, этническое предпринимательство и политические репрессии. Отечественные исследователи добились несомненного прогресса в изучении истории государственной политики в отношении китайцев на Дальнем Востоке и анализе отдельных дискриминационных и репрессивных кампаний позднеимперского и раннесоветского периодов. Одним из важных вопросов для историков стало изучение причин репрессий по отношению к китайцам, инициированных государством.

Большинство российских исследователей придерживаются той точки зрения, что жесткая политика государства, как российского, так и советского, по отношению к китайским мигрантам обусловлена проблемами в сфере регулирования миграции и интеграции китайских переселенцев в принимающее общество. Этническая составляющая в дискриминационной и карательной политике государства обсуждается специалистами наряду с социальными и политическими мотивами и факторами. Повышенное внимание власти к определенному этническому меньшинству и проведение в отношении него целенаправленной дискриминации и преследований допускает использование термина «этнические чистки», но такой подход, как нам представляется, в значительной степени нивелирует экономические, социальные и национально-гражданские аспекты при изучении политических репрессий в СССР. В плане изучения репрессий в отношении китайского населения в СССР в 1920–1930-е гг. особый интерес представляют работы Е.Н. Чернолуцкой, О.В. Залесской, Н.Ф. Бугая, В.Г. Дацьшена и Е.Г. Калкаева.

Тезис о наличии дифференцированного подхода советского государства к этническим группам и тенденции к этнизации репрессивной политики вызвал бурную дискуссию среди специалистов по советской истории, разделив их на сторонников и оппонентов концепции «этнозации сталинизма», предложенную Й. Баберовским¹. Тему отказа от интернационализма и тренда на русификацию актуализировал В. Ден-

¹ *Баберовски* J. *Der rote Terror. Die Geschichte des Stalinismus*. München, 2003.

нигхаус². Работа Т. Мартина стала заметным событием в изучении советской национальной политики, но его концепция «позитивной дискриминации», предложенная для объяснения принципов национального строительства в СССР, оказалась рабочей только для анализа событий 1920-х гг.³ На данный момент среди исследователей нет однозначного мнения относительно причин резкой эволюции советской национальной политики с начала 1930-х гг. Неудачи в проведении политики советизации некоторых этнических групп и линии на интеграцию диаспор говорят в пользу концепции «этнизации сталинизма», однако это не дает достаточных оснований утверждать о целенаправленных репрессиях по этническим основаниям. Формируется гипотеза о том, что репрессии в значительной степени были обусловлены низкими темпами натурализации и стремлением активизировать интеграцию диаспоры.

Цель исследования – показать зависимость дискриминационной и репрессивной политики по отношению к китайскому населению в СССР от внешнеполитической ситуации и потребностей внутренней политики.

В плане изучения истории китайской диаспоры в СССР существует проблема дефицита статистических данных. Исходя из этого, изучение репрессивной политики в СССР невозможно без привлечения делопроизводства НКВД, в том числе такого массового источника как материалы внесудебных инстанций. Эти источники отложились в архивах ФСБ и доступны для отечественных исследователей при получении соответствующего разрешения ведомства. В Центральном архиве ФСБ и Архиве ФСБ по Омской области представлены коллекции протоколов Комиссии НКВД и Прокурора СССР, инстанции, выносившей решения по «национальным» операциям. Использование материалов внесудебных инстанций позволяет описать алгоритм отдельных кампаний и скорректировать количественные масштабы репрессий.

Проблема интеграции китайцев в инокультурную среду

С проблемой миграции из Китая российское государство столкнулось уже во второй половине XIX в., а в начале XX в. она приняла массовый характер. Приток китайского населения на Дальний Восток открыл широкие возможности по использованию дешевой рабочей силы, но породил неконтролируемое перемещение людей через границу и привел к появлению замкнутой иноэтнической общины. Власти пытались бороться с таким наплывом, но приток продолжался, что вело к расширению их присутствия в Дальневосточном регионе. При численности постоянной диаспоры в 50–70 тыс. чел. количество китайцев в стране постоянно увеличивалось по причине высокого спроса на рабочую силу. Вслед за царским правительством большевики, столкнувшись с «китайским вопросом», также вынуждены были его как-то решать. И если до 1917 г. власть пыталась заставить китайцев жить в России по российским законам, то после революции – по советским.

Придя к власти, большевики декларировали равенство граждан и иностранцев, но при этом пытались интегрировать и натурализовать последних. Так, некоторые преференции китайское население получило в рамках политики коренизации, что давало ему возможности сохранить своеобразие в рамках национально-культурной автономии при условии полной интеграции и советизации. Эти шаги не привели к ожидаемым результатам, китайцы в Советском Союзе остались иноэтнической

² Деннигхаус В. В тени «Большого Брата». Западные национальные меньшинства в СССР (1917–1938 гг.). М., 2011.

³ Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М., 2011.

и иногражданской группой. Традиционной стратегией их адаптации в инокультурной среде являлось формирование постоянной общины, представляющей собой замкнутые и самодостаточные землячества с собственной системой регуляции жизнедеятельности. Стратегия «меньше контактов – меньше конфликтов» успешно работала как в империи, так и в СССР, хотя и усиливала замкнутость китайцев в рамках диаспоры. При этом открытость границы позволяла сохранять связи с Китаем. Таким образом, и государство, и диаспора жили двойными стандартами⁴.

Вопрос о численности китайцев в СССР сложен, хотя переписи и учеты населения позволяют составить представление об их примерной численности. Первая общесоюзная перепись 1926 г. зафиксировала на территории страны 101,7 тыс. китайцев⁵, в частности, на территории Дальневосточного края проживало 77 тыс. чел. При этом руководитель ЦСУ СССР В.В. Осинский (Оболенский) оценивал численность диаспоры всего в 81,8 тыс. чел.⁶ Последующие переписи 1937 и 1939 гг. также демонстрируют значительное расхождение в цифрах. Региональные и общесоюзные административные учеты также проводились, но их данные крайне фрагментарно введены в научный оборот. Анализ переселенческой динамики показывает, что если для начала 1920-х гг. характерен отток, то с середины 1920-х гг. значимость дальневосточных миграционных потоков начала возрастать. Фиксируется массовый приток в СССР китайцев и корейцев, но при этом количество китайских мигрантов все-таки в разы меньше, чем накануне Первой мировой войны. Так, согласно данным пограничного учета, за 1928 г. в страну прибыло 23,6 тыс. китайцев, а выехало 17,7 тыс. чел.⁷ Известно, что советское правительство в 1928 г. планировало прибегнуть к массовому ввозу китайской рабочей силы для нужд экономики Дальнего Востока, но отказалось от него. В промежутке между 1929 и 1932 гг. статистика фиксирует сокращение численности китайцев: если в 1929 г. во Владивостокском округе Дальневосточного края было учтено 42,3 тыс. чел., а уже в 1932 г. (Приморская область Дальневосточного края) – 32,6 тыс. чел.⁸ Эти цифры свидетельствуют о начале оттока китайского населения из Советского Союза и подобная тенденция становится очевидной ко второй половине 1930-х гг.

Правовое положение китайцев в СССР

Советская власть, декларируя интернационализм, очень быстро сформировала институт национального гражданства. Первые Конституции – РСФСР 1918 г. и СССР 1924 г. – давали широкие возможности для натурализации иностранцев. Тем не менее, большинство китайцев, постоянно проживавших в стране, предпочитало сохранить национальное гражданство, а возможности его подтверждения и пролонгации существовали в силу деятельности консульских учреждений. Их деятельность не прерывалась после 1917 г., хотя Пекин до 1924 г. не признавал СССР. Нормализация советско-китайских отношений привела к расширению консульской сети. На территории страны функционировало посольство в Москве, четыре генконсульства

⁴ Этот феномен отмечен в частности Н.Ф. Бугаев. См.: подробнее: *Бугаев Н.Ф.* Китайцы в СССР и России: политика двух стандартов (1920–1940-е годы) // Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Т. 8. № 1/2. С. 52–66.

⁵ Всесоюзная перепись населения. Краткие сводки. Вып. IV. Народность и родной язык населения СССР / Центральное статистическое управление СССР. Отдел переписи. М., 1928. С. 22.

⁶ *Осинский (Оболенский) В.В.* Международные и межконтинентальные миграции в довоенной России и СССР. М., 1928. С. 96.

⁷ *Моисеенко В.* Международная миграция в России (СССР) в конце XIX – первой трети XX века. Часть третья. Международная миграция в СССР в 1923–1930 гг. // Демографическое обозрение. 2017. Т. 4. № 2. С. 116.

⁸ *Чернолуцкая Е.Н.* Конец «Миллионки»: ликвидация китайского квартала во Владивостоке (1936 г.) // Россия и АТР. 2008. № 4. С. 24.

(Владивосток, Хабаровск, Благовещенск, Новосибирск) и шесть консульств (Чита, Алма-Ата, Семипалатинск, Зайсан, Ташкент, Андижан). Наличие действующего национального паспорта позволяло, согласно советскому закону о гражданстве 1924 г., получить либо вид на жительство иностранца, либо вид на жительство лица, заявляющего о принадлежности к иностранному гражданству; иностранцы, не подтвердившие иногражданство и не заявившие о таковом, автоматически признавались советскими гражданами. В дальнейшем юридические нормы 1930 и 1931 гг. сохранили нормы об автоматическом признании не имеющего вида на жительство иностранца гражданином СССР⁹.

Государство попыталась также взять под контроль внешнюю миграцию, однако решить эту задачу удалось далеко не сразу. Начиная с 1923 г. въезд в СССР стал возможен только по въездным визам, выданным полномочными представителями и консулами СССР за рубежом. В 1923 г. было выдано 2723 таких виз, 1924 г. – 4013, 1925 г. – 5711, 1926 г. – 9567, 1927 г. – 11 524¹⁰. Приведенные цифры свидетельствуют не только о ежегодном увеличении потока миграции в СССР, но также о положительной динамике в легализации мигрантов.

Визы выдавались на три, шесть месяцев и год, отметка о получении вносилась в национальный паспорт. При пересечении границы в пунктах пропуска ставились соответствующие штампы; в соответствии с визой административные отделы региональных исполкомов выдавали временные виды на жительство. Продлить сроки пребывания в стране было возможно только при наличии действующего национального паспорта. В 1926 г. стартовала массовая кампания по выдаче советских видов на жительство, их введение позволило наладить административный учет иностранцев. К началу 1928 г. в Дальневосточном крае лицам китайской национальности было выдано более 89 тыс. советских видов на жительство. С 1930 г. в СССР вводился новый порядок выдачи иностранцам видов на жительство: тем, кто не имел национальных паспортов, перестали выдавать виды на жительство.

Проживающие на территории страны граждане Китая переходили под действие советской юрисдикции. Для диаспоры была характерна криминогенность, которая представляла собой проблему как для самих китайцев, так и местного населения. Процент правонарушений, совершенных «восточниками», доходил до 10 % от общего уровня преступности в СССР; приблизительно четвертую их часть составляли нарушения правил пребывания в стране. Важно отметить, что до середины 1920-х гг. китайцев в СССР не преследовали по политическим мотивам.

Тренд на ужесточение политики

Положение китайцев в СССР во многом зависело от международной обстановки. Ухудшение советско-китайских отношений на рубеже 1920–1930-х гг., обусловленное конфликтом на КВЖД, спровоцировало волну преследований. Согласно приказу ОГПУ от 20 июля 1929 г., в ответ на аресты советских граждан в полосе отчуждения КВЖД надлежало провести аресты 1–2 тыс. китайцев на Дальнем Востоке и в Сибири. Фактически, по разным оценкам, в июле – сентябре 1929 г. в Хабаровске и Владивостоке арестам подверглось свыше 8 тыс. чел. Кроме того, в качестве репрессивной меры прибегали к депортациям. Начиная с 1929 г., советские власти опробовали по отношению к китайцам практики выселения: только в Забайкалье высылке подверглось более 1,3 тыс. чел., хотя официально сообщалось, что

⁹ Белковец Л.П. Регулирование порядка доказательств прав иностранного гражданства в СССР (1930–1950-е гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 338. С. 112.

¹⁰ Архив внешней политики РФ (далее – АВП РФ). Ф. 0100. Оп. 12. Пап. 150. Д. 12. Л. 2.

Китай и СССР выслали по 354 чел.¹¹ В целом кампанию 1929 г. можно рассматривать как начало массовых репрессий в СССР отношении китайцев.

Новая волна преследований относится к 1932–1933 гг., поскольку все иностранцы с этого момента стали объектом повышенного внимания карательных органов. Причиной стала частичная паспортизация населения СССР, которая была нацелена, в первую очередь, на социальную чистку городов путем ограничения притока сельских жителей и выселения маргинального населения, что должно было снизить масштабы теневого бизнеса и преступности (советская пресса называла паспортизацию «суровым пролетарским фильтром», а ее результаты видела в уничтожении, прежде всего на Дальнем Востоке, Миллионки, опекурилен, притонов и т. д.¹²). Паспортизация не могла не затронуть иностранцев, в том числе китайцев во Владивостоке, Хабаровске, Никольск-Уссурийское, Спасске и Благовещенске. Не только в городах, но и на приграничных территориях в 1932 г. были проведены тотальные проверки населения, поскольку паспортизация проводилась под контролем ОГПУ. Лицам, которым отказывали в праве проживания, предписывалось в десятидневный срок покинуть режимные местности, в противном случае они автоматически становились нарушителями паспортного режима. С августа 1933 г. при региональных полномочных представительствах ОГПУ на основании ведомственного циркуляра № 96 создавались специальные тройки, получившие право использовать административную высылку в отношении таких лиц¹³. «Паспортные» тройки функционировали до конца 1935 г., затем их сменили так называемые «милицейские» тройки. Именно решения «паспортных» троек санкционировали массовые аресты в городах и высылку деклассированных элементов за пределы режимных территорий и в отдаленные районы страны. По итогам паспортизации в ссылку на сроки от 3–5 лет попали более 175 тыс. чел.¹⁴ Мы не можем назвать точное количество высланных иноподданных, но известно, что в отношении китайцев административная ссылка стала применяться с 1933 г. Их выслали главным образом в Казахстан и на север Томской области.

Паспортизация совпала с общесоюзной перерегистрацией всех иностранцев, проводимой с целью уточнения их национально-гражданского статуса. Отныне всех иностранцев поделили на две категории: имевших диппредставительства в СССР и не имевших. В отношении вторых, в силу того что их статус не могли подтвердить национальные представительства, процедура подтверждения статуса иностранца была крайне сложной, хотя и возможной, при том, что окончательное решение выносилось республиканским ВЦИКом. Так появилась новая категория иностранцев – «отказники». Китайцы были отнесены к первой категории, в силу наличия в стране сети консульских учреждений, но, во-первых, они должны были подтвердить свое гражданство в кратчайшие сроки, во-вторых, среди них тоже оказались «отказники»: ими стали те, кто имел советский вид на жительство, выданный в 1926 г., и который оказался просроченным. В условиях начавшейся перерегистрации китайцы массово обращались в консульства, однако советские власти запретили всем иностранным консульствам, в том числе и китайским, выдачу национальных пас-

¹¹ *Аблажей Н.Н.* Конфликт 1929 г. на КВЖД и его последствия // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. Новосибирск, 2006. Т. 5. Вып. 1. С. 59.

¹² *Чернолуцкая Е.Н.* Принудительные миграции на советском дальнем Востоке в 1920–1950-е гг. Владивосток, 2011. С. 138.

¹³ История сталинского ГУЛАГа. Т. 1. Массовые репрессии в СССР. М., 2004. С. 156–157.

¹⁴ *Потемкина М.Н., Кузнецова И.В.* Паспортизации городского населения СССР в 1930-х гг. // Проблемы истории, филологии, культуры. 2014. № 4 (46). С. 172

портов и пролонгацию гражданства. Запрет был снят только осенью 1936 г.¹⁵ На момент учета абсолютное большинство китайцев имело на руках либо национальные паспорта (в массе своей просроченные), либо вообще не имело никаких бумаг¹⁶.

Учетная кампания 1932 г. была призвана стимулировать процесс натурализации. Власти декларировали возможность получения гражданства в упрощенном порядке. На практике тенденция к росту масштабов натурализации китайцев постепенно наметилась, однако темпы ее были крайне низкими, как в силу нежелания отказываться от национального гражданства, так и банального отсутствия документов. Китайцы привыкли находиться в серых зонах правового поля и неохотно шли на легализацию. Часть из них на фоне паспортизации предпочла перебраться из городов в сельскую местность и уехать с приграничных территорий¹⁷. Низкие темпы натурализации китайского населения вызывали особую озабоченность партийного руководства Дальнего Востока¹⁸. Отметим, что именно в ходе учета 1932 г. была проведена первая тотальная регистрация всего китайского населения страны, когда наряду с поданными Китая и лицами без документов были учтены также натурализовавшиеся китайцы. В 1934 г. все иностранцы перешли в ведение НКВД, в структуре которого появился ОВИР – Отдел виз и регистрации (до этого их учет осуществлялся только по линии Наркомата иностранных дел).

Положение китайцев в СССР усугубила оккупация северо-востока Китая Японией и создание марионеточного государства Маньчжоу-Го. С 1933 г. ОГПУ стала выявлять лиц и организации по обвинению в связях с японской разведкой¹⁹. В это же время в СССР появилась еще одна категория китайского населения – интернированные: ими стали перешедшие на территорию Приморья и Забайкалья в декабре 1932 – январе 1933 гг. китайские военнослужащие, отказавшиеся подчиниться японцам. Численность интернированных, которых разместили в Сибири (Нарыме, Хакасии и Кузбассе), составила около 11 тыс. чел. В феврале – мае 1933 г. до 10 тыс. интернированных через Казахстан были отправлены в Сынцзян; еще около 700 чел. были вывезены в Западный Китай накануне Большого террора. Оставшиеся 150–300 человек были репрессированы по обвинению в шпионаже в пользу Японии.

Вынужденная продажа КВЖД в 1935 г. спровоцировала новые преследования, в частности НКВД развернул кампанию по ликвидации «диверсионно-террористических и разведывательных организаций» японской разведки. О ликвидации «групп диверсантов с участием китайцев» чаще других отчитывались чекисты Восточной Сибири и Дальнего Востока²⁰.

В 1936 г. репрессии в отношении китайского населения вышли на новый уровень. В СССР стартовал новый этап паспортизации населения, в рамках которой проводился обмен паспортов и повторные «зачистки» городов. В крупных городах Дальнего Востока, относившихся с 1932 г. к режимным территориям, прошли ме-

¹⁵ *Калкаев Е.Г.* Китайские мигранты между двумя наркоматами: история перерегистрации китайского населения восточных регионов СССР в 1936–1937 гг. // *Проблемы Дальнего Востока*. 2022. № 3. С. 112–115.

¹⁶ *Залеская О.В.* Китайские мигранты в условиях политической ситуации на Дальнем Востоке в конце 1920-х – середине 1930-х годов // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена*. 2008. № 86. С. 59.

¹⁷ *Чернолуцкая Е.Н.* Конец «Миллионки»: ликвидация китайского квартала во Владивостоке // *Россия и АТР*. 2008. № 4. С. 29.

¹⁸ *Маленкова А.А.* Политика советских властей в отношении китайской диаспоры на дальнем Востоке СССР в 1920–1930-е гг. // *Проблемы Дальнего Востока*. 2014. № 4. С. 128–129.

¹⁹ *Потапова Н.А.* Антикитайская акция НКВД СССР периода «большого террора» в Дальневосточном крае: механизмы и масштабы репрессий // *Проблемы Дальнего Востока*. 2018. № 3. С. 157.

²⁰ *Дацышен В.Г.* Китайское население Забайкалья в условиях сталинской системы в 1930-е гг. // *Вестник РУДН. Серия: История России*. 2022. Т. 21. № 1. С. 67–68.

роприятия, направленные на обеспечение паспортного режима. Крупной акцией стала ликвидация китайского квартала «Миллионки» во Владивостоке: единственный в СССР чайна-таун подлежал расселению и перепрофилированию. В ходе операции было арестовано порядка 800 чел., еще 3682 чел. были этапированы к границе и выселены за пределы страны. Всего за 1936 г. из города в Китай выселили порядка 4,2 тыс. чел., часть бежали в сельскую местность и вели полулегальное существование²¹. Можно предположить, что аналогичные акции, пусть и менее масштабные, прокатились и по другим городам Дальнего Востока. К 1936 г. китайское-направление в работе НКВД стало очевидным, но антикитайские кампании носили все еще локальный характер. В масштабах страны к 1936 г. наметилось несколько репрессивных линий, которые трансформировались в так называемые национальные операции, которые наряду с «кулацкой» операцией, проводившейся по приказу №00447, заняли центральное место в ходе Большого террора.

Антикитайские акции 1937–1938 гг.

Сегодня специалисты уже достаточно много знают о массовых репрессиях 1937–1938 гг., что позволяет судить об эволюции террора. Идеологическое обоснование необходимости массовых репрессий дал февральско-мартовский Пленум ВКП(б) 1937 г.²² Широкие полномочия в том числе право на принятие внесудебных решений, власть делегировала НКВД. Массированная пропаганда всего за несколько месяцев погрузила советское общество в атмосферу шпиономании и поиска внутренних врагов. Так, например, летом 1937 г. в газете «Правда» была опубликована большая статья «Подрывная работа японской разведки», которая, с одной стороны, подвела своеобразные итоги деятельности японской разведки на территории СССР, с другой – наметила новый решающий удар по японским шпионам, который должен был стать тотальным²³. Все это вместе обеспечило единение власти и общества и сделало террор «большим».

В отношении иностранцев и ино-националов репрессивная траектория была следующей. Приблизительно с марта 1937 г. начинает готовиться почва для их дальнейшего преследования²⁴. Пробная кампания по аннулированию советских видов на жительство проводилась в Западно-Сибирском крае весной 1937 г. в отношении подданных Германии, а уже летом НКВД принимает особый циркуляр «Об иностранцах», предписывающий начать общесоюзную кампанию по массовому отказу в продлении советских видов на жительство для иностранцев, в том числе китайским подданным. При наличии компромата их следовало выдворять из страны²⁵. В июле – сентябре 1937 г. выходят первые приказы НКВД СССР в рамках национальных операций – «немецкий», «польский» и «харбинский»²⁶. Последний (№ 00593 от 20 сентября 1937 г.) санкционировал аресты и осуждения в отношении так называемых харбинцев, под которыми понимались бывшие служащие КВЖД и реэмигранты. Китайцы, массово обвиняемые в японском шпионаже, стали, фактически, одной из целевых групп в рамках данного приказа.

Следующим шагом по активизации преследований против иностранцев стал октябрьский 1937 г. приказ НКВД СССР № 00693, предписывавший начать репрес-

²¹ Чернолуцкая Е.Н. Конец «Миллионки»... С. 29.

²² Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937–1938. М., 2004. С. 95–109.

²³ Правда. 1937. 9–10 июля.

²⁴ Пакков С.А. Обыкновенный террор. Политика сталинизма в Сибири. М., 2012. С. 216.

²⁵ Потанова Н.А. «Харбинская» операция НКВД СССР 1937–1938 гг.: механизмы, целевые группы и масштабы репрессий. СПб., 2020. С. 36.

²⁶ ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 5. Д. 2. Л. 8–33.

сии в отношении так называемых перебежчиков²⁷. В СССР термин «перебежчик» не только широко употреблялся, но и имел политико-юридический статус. К перебежчикам относили преимущественно нелегалов с западных рубежей. В отношении китайцев, незаконно оказавшихся на территории СССР, он стал применяться уже в ходе репрессий. Фактически приказ предписывал репрессировать всех беженцев, когда-либо перешедших советскую границу и не успевших легализоваться.

Всего за период Большого террора, с июля 1937 по ноябрь 1938 гг., высшую партийную санкцию получили семь приказов, меморандумов и директив, ориентированных на разворачивание национальных операций. К таковым следует отнести «немецкий», «польский» и «харбинский» приказы, латышский и афганский меморандумы, директиву по греческой операции. 31 января 1938 г. своим постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) продлило «национальные» операции, активизировав еще несколько направлений, том числе румынское, финское, эстонское, болгарское, македонское и китайское²⁸. К весне 1938 г. «национальные» операции заняли главное место в репрессивной политике СССР: поскольку лимиты по «кулацкой» операции к этому времени во многих регионах были выполнены, акцент был перенесен на националов.

На Дальнем Востоке, где китайская община была особенно многочисленна, репрессии были усилены дополнительными директивами НКВД СССР от декабря 1937 г. Предполагалась, что антикитайская кампания в регионе станет отдельной линией в рамках «национальных» операций. Для этого возможность рассмотрения дел «восточников» предоставили региональным тройкам, не направляя их в Москву²⁹. Кроме того, решения в отношении подданных Китая продолжали выносить и в обычном судебном порядке. В феврале 1938 г. полномочия по вынесению приговоров были переданы Комиссии НКВД и Прокурора СССР, карательные меры в отношении дальневосточного китайского населения были вписаны в рамки приказа № 00593³⁰.

Как уже отмечалось выше, в январе 1938 г. Политбюро ЦК ВКП(б) продлило данную политику до 15 апреля 1938 г., включив в число этносов, попадавших под репрессии, китайцев³¹; продолжалась и «харбинская» операция. Приказ НКВД СССР от 1 февраля 1938 г. дал зеленый свет новым карательным линиям, в том числе китайской, но оставил прежним алгоритм осуждения, известный как «альбомный». Суть его сводилась к тому, что репрессивные решения выносились исключительно на основании персональных справок, поданных управлениями НКВД регионов в Москву и укомплектованных в специальные альбомы с разбивкой по отдельным «национальным» операциям или линиям. Помимо одобрения серии «национальных» операций Политбюро ЦК ВКП(б) и НКВД СССР рекомендовали усилить репрессии в отношении перебежчиков³². С этого момента все, кто проходил через Особое совещание при НКВД, получали 10 лет лагерей, а через военные трибуналы – расстрел. Кроме того, в январе 1938 г. НКВД инициирует еще одну «национальную» операцию, так называемую смешанную, которая включала в себя несколько линий, в том числе по ней прошли и «восточники», которым инкриминировали японский шпионаж. Фактически это означало, что с января по середину сентября 1938 г. китайцы проходили по «хар-

²⁷ История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7 т. М., 2004. Т. 1. С. 284–285.

²⁸ Лубянка. Сталин и Главное управление... С. 468–469.

²⁹ Сталинские депортации. 1928–1953 / под ред. акад. А.Н. Яковлева; сост. Н.Л. Поболь, П.М. Полян. М., 2005. С. 101–104.

³⁰ Потапова Н.А. Антикитайская акция... С. 157–158.

³¹ Лубянка. Сталин и Главное управление... С. 468–469.

³² Там же. С. 469.

бинской» и «смешанной» акциям. Китайское население Дальнего Востока попадало также в рамки приказа № 00593 от 20 сентября 1937 г., санкционировавшего новую волну преследований перебежчиков.

К началу сентября 1938 г. Комиссии НКВД и Прокурора СССР рассмотрели около 18 тыс. дел. При этом около 2 тыс. чел. прошли в рамках «смешанной» карательной акции³³, остальные – по «харбинской»³⁴. Лишь в середине сентября 1938 г. центральные органы передали часть полномочий в регионы, началась самостоятельная «китайская» операция, не ставшая, однако, массовой. Из 2248 китайцев, осужденных в сентябре – ноябре 1938 г., лишь 240 чел. прошли по этому направлению, в то время как в рамках «харбинской» операции – 1974 чел.³⁵

Что касается общей численности репрессированного китайского населения СССР в рассматриваемый период, то пока невозможно представить точные данные, поскольку еще не обработаны в полном объеме материалы других внесудебных инстанций.

Депортации китайского населения

При анализе репрессий периода 1937–1938 гг. в отношении китайского населения следует принять во внимание и депортации. Например, при изучении корейской депортационной кампании 1937 г. акцент сделан на ее тотальном характере, когда выселению подверглись все 172 тыс. советских корейцев, однако эта репрессивная акция была не только тотальной, но комбинированной, поскольку в нее попали также представители других этнических групп, в частности, в Казахстане во второй половине 1937 г. оказалась и какая-то часть китайцев. Массовое выселение китайцев не было проведено в 1937 г. в силу двух причин: в массе своей они не были советскими гражданами и не проживали компактными анклавами. Как альтернатива депортации в отдаленные районы предусматривался выезд за пределы страны под контролем НКВД, но был ли он реализован, не известно.

Депортация китайцев была санкционирована в следующем, 1938 г. Решение о ее проведении Политбюро приняло 5 марта 1938 г., а соответствующая директива НКВД № 11161 по организации выселения вышла лишь 16 мая 1938 г. Выселение китайцев из г. Владивостока и пограничной полосы можно охарактеризовать как депортацию «по зачистке границ». Выселяли нелегалов, к таковым относились лица с просроченным китайским гражданством или заявившие о наличии китайского гражданства, но не подтвердившие его. Предусматривалось поэтапная высылка контингента: сначала в Казахстан, а потом за пределы страны, в китайскую провинцию Синьцзян. Количество арестованных и подлежащих выселению должно было составить около 7–8 тыс. чел., однако после выдворения 1361 чел. операцию внезапно свернули. 10 июня 1938 г. Политбюро предписало прекратить аресты китайцев, равно как и высылку находившихся в заключении, если в их отношении не были вынесены приговоры. Возможно, именно в связи с этим решением летом 1938 г. были аннулированы уже отправленные Управлением НКВД по Дальневосточному краю на рассмотрение в Комиссию НКВД и Прокуратуры СССР «китайские» альбомы. Особое совещание при НКВД к началу сентября рассмотрело лишь остатки «китайских» альбомов. В ходе заседаний 2 и 5 сентября 1938 г. комиссия НКВД и Прокурора СССР приняла решение о высылке из страны 364 граждан Китая³⁶,

³³ Архив УФСБ по Омской области. Ф. 6. Протоколы Комиссии НКВД и Прокурора СССР по «смешанной» операции. Порядок 10516–10527.

³⁴ Там же. Ф. 6. Протоколы Комиссии НКВД и Прокурора СССР по приказу № 00593. Порядок 9828–9874.

³⁵ ЦА ФСБ. Ф. 8-ос. Оп. 1. Порядок 70. Л. 30.

³⁶ *Потанова Н.А.* Антикитайская акция... С. 160–161.

из тюрем предписывалось освободить 2853 китайца³⁷, отправке в Синьцзян подлежали 6189 китайцев с семьями³⁸. Есть данные, что в ходе второй волны в Синьцзян было выслано 3173 чел.³⁹ Выселения продолжили и в 1939 г.

Всего в соответствии с решениями внесудебных инстанций за годы Большого террора из СССР выслали чуть больше 9,2 тыс. иностранцев. Но реальные масштабы выселения были существенно больше, поскольку в ряде случаев депортация из страны осуществлялась в соответствии с особыми директивными решениями⁴⁰. С одной стороны, депортации стали самостоятельными репрессивными кампаниями, либо совпавшими по времени с «национальными» операциями, либо проведенными накануне или после их завершения, с другой – стали их составной частью. Именно это обстоятельство создает дополнительные сложности при изучении депортаций иностранцев в рассматриваемый период и оценке численности высланных из страны. Далеко не всех высланных в 1937–1938 гг. из страны иностранцев следует рассматривать как жертв «национальных» операций НКВД.

Завершающий этап репрессий совпал с принятием в августе 1938 г. нового закона «О гражданстве СССР», который вводил категорию «лиц без гражданства», то есть апатридов. Местные советы и высшие органы автономий окончательно потеряли право принимать в советское гражданство; отменялся также упрощенный порядок его приобретения. Отныне наличие статуса бывшего подданного иностранного государства или лица без гражданства служило основанием для ограничения в правах и даже репрессий, хотя Конституция гарантировала им все гражданские права, за исключением политических. Постановление Совнаркома от 29 июня 1939 г. вводило новые правила проживания иностранцев и лиц без гражданства в СССР, сошедшие в них ограничения в очередной раз подстегнули натурализацию.

Отдельный большой вопрос касается того, в какой степени советские переписи 1937 и 1939 гг. отражают реальные масштабы репрессий в отношении китайцев за период Большого террора (напомним, что перепись 1937 г. власть признала дефектной из-за политических соображений, потому что численность населения страны оказалась ниже ожидаемой). Общая численность китайцев в СССР по переписи 1937 г. составила почти 38,5 тыс., в том числе 20 тыс. граждан Китая. Практически все они проживали на территории РСФСР⁴¹, в том числе основная часть граждан Китая, а это почти 19 тыс. чел., преимущественно на Дальнем Востоке⁴². Что касается данных переписи 1939 г., то в СССР проживало уже 32 тыс. китайцев, в том числе около 25,5 тыс. в России и 5,1 тыс. в Казахстане⁴³. Заметно резкое сокращение численности китайцев наблюдалось на Дальнем Востоке. За межпереписной период

³⁷ Дацышен В.Г. Политические репрессии и китайцы в СССР. URL: http://www.penpolit.ru/papers/detail2.php?ELEMENT_ID=947 (дата обращения: 12.02.2022).

³⁸ Чернолуцкая Е.Н. Принудительные миграции... С. 262.

³⁹ Чернолуцкая Е.Н. Депортация китайцев из Приморья (1938 г.) // Исторический опыт открытия, заселения и освоения Приамурья и Приморья в XVII–XX вв. (к 350-летию начала похода В.Д. Пояркова на Амур): тезисы докладов и сообщений Международной научной конференции. Владивосток, 1993. Вып. 2. С. 78–81.

⁴⁰ Аблажей Н.Н. Депортации из СССР периода Большого террора // Исторический курьер. Статья 8. 2019. № 1 (3). URL: <http://istkurier.ru/data/2019/ISTKURIER-2019-1-08.pdf> (дата обращения: 20.02.2022).

⁴¹ Национальный состав населения СССР по республикам, краям, областям по материалам Всесоюзной переписи населения 1937 г. // Электронная библиотека исторических документов. URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/47599#mode/inspect/page/3/zoom/4> (дата обращения: 01.03.2022).

⁴² Мотревич В.П. Иностранцы граждане – китайцы в Советском Союзе по данным Всесоюзной переписи населения СССР 1937 г. // Китай: история и современность: материалы VIII Международ. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 7–8 окт. 2014 г. Екатеринбург, 2015. С. 178–181.

⁴³ См.: Всесоюзная перепись населения 1939 года. Национальный состав населения по республикам СССР // Демоскоп Weekly. 1922. № 963–964. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_39.php (дата обращения: 01.03.2022).

положительную динамику иллюстрирует только Казахстан. Поскольку перепись учитывала и лиц, находившихся в заключении, приведем и эти цифры: численность заключенных китайцев в ГУЛАГе в 1939 составляла 3161 чел., в 1940 – 4 033 чел., в 1941 г. – 3 025 чел.⁴⁴ Таким образом, разница в численности китайцев по переписям 1937 и 1939 г. составляет 6,5 тыс. чел., что, безусловно, свидетельствует о сокращении китайской диаспоры в стране, однако не отражает истинный масштаб репрессий.

Выводы

В СССР в период 1929–1938 гг. было проведено несколько антикитайских кампаний, пики которых пришлось на советско-китайский конфликт 1929 г., двух волн паспортизации 1933 г. и 1936 г. и репрессий Большого террора 1937–1938 гг.

Обработка материалов внесудебных инстанций 1937–1938 гг. показала, что данная этническая группа подверглась репрессиям в ходе двух «национальных» операций НКВД СССР, а именно «харбинской» и «смешанной». Эскалация репрессий в отношении китайского населения пришлось на 1938 г., но при этом особая «китайская» линия в репрессиях оформляется только на заключительном этапе Большого террора. На данный момент есть основания утверждать, что в период Большого террора жертвами «национальных» операций НКВД стало более 18 тыс. этнических китайцев, что составило 5 % от общей численности репрессированных по этническим основаниям. Итоговые цифры могут быть скорректированы при дальнейшей обработке материалов всех внесудебных инстанций.

Широко практиковавшиеся принудительные переселения лиц китайской национальности в отдаленные районы страны и за ее пределы были самостоятельными кампаниями, но применялись и как вид наказания при реализации «национальных» операций. Доминирующим критерием для выселения иностранцев стал не только факт отсутствия у них гражданства, но и национальность. Депортации позволили резко сократить численность китайского населения на Дальнем Востоке и в Сибири. Власть прибегла к репрессиям, преследуя цель максимально ускорить интеграцию и натурализацию постоянно проживающего в СССР китайского населения. Итогом десятилетней политики дискриминации стали ликвидация территориальных анклавов и сокращение китайской диаспоры в стране.

Поступила в редакцию / Submitted: 05.11.2022

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 30.01.2023

Принята к публикации / Accepted for publication: 01.02.2023

References

- Ablazhei, N.N. “Deportatsii iz SSSR perioda Bol'shogo Terrora [Deportation from the USSR during the Great Terror].” *Istoricheskii kur'er*, no. 1 (2019): <http://istkurier.ru/data/2019/ISTKURIER-2019-1-08.pdf> (in Russian).
- Ablazhei, N.N. “Konflikt 1929 g. na KVZHD i ego posledstviia [The conflict of 1929 on the CER and its consequences].” *Vestnik NGU. Ser.: Istoriya, filologiya* 5, no. 1 (2006): 57–61 (in Russian).
- Baberowski, J. *Der rote Terror. Die Geschichte des Stalinismus*. München: Deutsche Verlags-Anstalt, 2003 (in German).
- Belkovec, L.P. “Regulirovanie poriadka dokazatel'stva prav inostrannogo grazhdanstva v SSSR (1930–1950-e gg.) [Regulation of the procedure for proving the rights of foreign citizenship in the USSR (1930–1950)].” *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 338 (2010): 112–115 (in Russian).

⁴⁴ Земсков В.Н. ГУЛАГ (историко-социологический аспект) // Социологические исследования. 1991. № 6. С. 13.

- Bugaj, N.F. Chinese in Soviet Union and Russia: the policy of two standards (1920–1940). *Istoricheskaya i sotsyal'no-obrazovatel'naya mysl'* 8, no. 1/2 (2016): 52–66 (in Russian).
- Chernoluskaya, E.N. *Prinuditel'nye migratsii na sovetskom dal'nem Vostoke v 1920–1950-e gg.* [Forced Migration in the Soviet Far East in the 1920–1950]. Vladivostok: Dal'nauka Publ., 2011 (in Russian).
- Chernolutsкая, E.N. “Deportatsiya kitaitsev iz Primoriia (1938 g.) [Deportation of Chinese from Primorye (1938)].” In *Istoricheskii opyt otkrytiia, zaseleniia i osvoeniia Priamur'ia i Primor'ia v XVII–XX vv. (k 350-letiiu nachala pokhoda V.D. Poiarkova na Amur): tezisy dokladov i soobshchenii Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*. Issue 2, 78–81. Vladivostok: Institut istorii, arkhologii i etnografii narodov Dal'nego Vostoka Dal'nevostochnogo otdeleniya RAN Publ., 1993 (in Russian).
- Chernolutsкая, E.N. “Konets ‘Millionki’: likvidatsiya kitaiskogo kvartala vo Vladivostoke (1936 g.) [The end of the ‘Millionka’: the liquidation of Chinatown in Vladivostok (1936)].” *Rossiia i ATR*, no. 4 (2008): 24–31 (in Russian).
- Datsyshen, V.G. “The Chinese Population of Transbaikalia under the Conditions of the Stalinist System in the 1930s.” *RUDN Journal of Russian History* 21, no. 1 (2022): 57–71 (in Russian).
- Dyonninghaus, V. *V teni ‘Bol'shogo brata.’ Zapadnye natsional'nye men'shinstva v SSSR, 1917–1938 gg.* [In the shadow of ‘Big Brother.’ Western national minorities in the USSR 1917–1938]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2011 (in Russian).
- Kalkaev, E.G. “Kitaiskie migranty mezhdvumya narkomatami: istoriya pereregistratsii kitajskogo naseleniia vostochnykh regionov SSSR v 1936–1937 gg. [Chinese migrants between two people's commissariats: the history of reregistration of the Chinese population of the eastern regions of the USSR in 1936–1937].” *Problemy Dal'nego Vostoka*, no. 3 (2022): 112–128 (in Russian).
- Malenkova, A.A. “Politika sovetskikh vlastei v otnoshenii kitaiskoi diaspory na Dal'nem Vostoke SSSR v 1920–1930-e gg. [The policy of the Soviet authorities towards the Chinese diaspora in the Far East of the USSR in 1920–1930].” *Problemy Dal'nego Vostoka*, no. 4 (2014): 120–136 (in Russian).
- Martyn, T. *The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939*. Moscow: ROSSPEN Publ., 2011 (in Russian).
- Moissenko, V. “Mezhdunarodnaya migratsiya v Rossii (SSSR) v kontse XIX – pervoi treti XX veka Chast' tret'ya. Mezhdunarodnaia migratsiia v SSSR v 1923–1930 gg. [International migration in Russia (USSR) at the end of the 19th – first third of the 20th century, part three. International migration in the USSR in 1923–1930].” *Demograficheskoe obozrenie* 4, no. 2 (2017): 109–132 (in Russian).
- Motrevich, V.P. “Inostrannye grazhdane – kitaitsy v Sovetskom Soyuze po dannym Vsesoyuznoi perepisi naseleniia SSSR 1937 g. [Foreign nationals – Chinese in the Soviet Union according to All-Union Census of the USSR in 1937].” *Kitai: istoriia i sovremennost': materialy VIII Mezhdunarod. nauch.-prakt. konf. Ekaterinburg, 7–8 okt. 2014 g.*, 178–181. Yekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta Publ., 2015 (in Russian).
- Osinskii (Obolenskii), V.V. *Mezhdunarodnye i mezhkontinental'nye migratsii v dovoennoi Rossii i SSSR* [International and intercontinental migrations in prewar Russia and the USSR]. Moscow: CSU SSSR Publ., 1928 (in Russian).
- Papkov, S.A. *Obyknovennyi terror. Politika stalinizma v Sibiri* [Ordinary terror. The policy of Stalinism in Siberia]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2012 (in Russian).
- Potapova, N.A. *‘Kharbinskaia’ operatsiia NKVD SSSR 1937–1938 gg.: mekhanizmy, tselevye gruppy i masshtaby repressii* [‘Harbinian’ operation of the NKVD of the USSR in 1937–1938: mechanisms, target groups and the scale of repression]. St. Petersburg: Aleteiia Publ., 2020 (in Russian).
- Potapova, N.A. “Antikitaiskaia aktsiia NKVD SSSR perioda ‘bol'shogo terrora’ v Dal'nevostochnom krae: mekhanizmy i masshtaby repressii [Anti-Chinese action of the NKVD of the USSR during the ‘great terror’ in the Far Eastern Territory: mechanisms and scales of repression].” *Problemy Dal'nego Vostoka*, no. 3 (2018): 156–162 (in Russian).
- Potemkina, M.N., and Kuznetsova, I.V. “Pasportizatsii gorodskogo naseleniia SSSR v 1930-h gg. [Passportization of the urban population of the USSR in the 1930s].” *Problemy istorii, filologii, kul'tury*, no. 4 (2014): 167–173 (in Russian).
- Yakovlev, A.N., ed. *Stalinskie deportatsii. 1928–1953* [Stalinist deportations. 1928–1953] (Moscow: Mezhdunar. fond ‘Demokratiya’: Materik Publ., 2005 (in Russian).
- Zalesskaya, O.V. “Kitaiskie migranty v usloviakh politicheskoi situatsii na Dal'nem Vostoke v kontse 1920-kh – seredine 1930-kh godov [Chinese migrants in the context of the political situation 1920-kh – seredine 1930-kh godov]

in the Far East at the end of the 1920 – middle 1930].” *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gercena*, no. 86 (2008): 52–62 (in Russian).

Zaleskaya, O.V. *Kitaiskie migranty na Dal'nem Vostoke Rossii (1917–1938 gg.)* [Chinese migrants in the Russian Far East (1917–1938)]. Vladivostok: Dal'nauka Publ., 2009 (in Russian).

Zemskov, V.N. “GULAG (istoriko-sociologicheskij aspekt) [GULAG (historical and sociological aspect)].” *Sociological Studies*, no. 6 (1991): 10–27 (in Russian).

Информация об авторах / Information about the authors

Наталья Николаевна Аблажей, д-р истор. наук, ведущий научный сотрудник Института истории, Сибирское отделение Российской академии наук; 630090, Россия, Новосибирск, ул. Николаева, 8; ablazhey@academ.org; <https://orcid.org/0000-0001-8237-9023>

Natalya N. Ablazhey, Dr. Habil. Hist., Leading Researcher of the Institute of History, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; 8, Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russia; ablazhey@academ.org; <https://orcid.org/0000-0001-8237-9023>

Наталья Анатольевна Потапова, канд. истор. наук, научный сотрудник, Институт истории, Сибирское отделение Российской академии наук; 630090, Россия, Новосибирск, ул. Николаева, 8; старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права, Новосибирский государственный университет экономики и управления; rector@nsuem.ru; <https://orcid.org/0000-0001-8562-0310>

Natalya A. Potapova, PhD in History, Researcher at the Institute of History, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; 8, Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russia; Senior Lecturer of the Department of Theory and History of State and Law, Novosibirsk State University of Economics and Management; rector@nsuem.ru; <https://orcid.org/0000-0001-8562-0310>